

В.П. Васильев

Религии Востока

**Конфуцианство, буддизм и
даосизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В.П. Васильев**
Религии Востока: Конфуцианство, буддизм и даосизм / В.П. Васильев – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 185 с.

ISBN 978-5-458-12994-7

Религии Востока. Конфуцианство, Буддизм и Даосизм

ISBN 978-5-458-12994-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ному міру, вносить новые взгляды, новые факты, которые когда-нибудь будут разрабатываться специалистами.

Поводомъ къ настоящей статьѣ были лекціи, читанныя въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета въ 1871 году. Но авторъ не могъ, конечно, въ двухъ лекціяхъ сообщить все, что было нужно, и не былъ на столько самонадѣянь, чтобы требовать еще болѣе продолжительнаго вниманія. Другой поводъ: это — защита той идеи, которую авторъ проводилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и которая обратила на себя вниманіе только въ послѣднее время, когда статья, въ которой она была высказана, была переведена на англійскій языкъ. Мы говоримъ о томъ, что магометанство угрожаетъ охватить собою весь востокъ, и что такимъ образомъ просвѣщенію предстоитъ новая борьба, которая неизвѣстно чѣмъ еще кончится. Для многихъ мысль наша кажется неосуществимою; но гдѣ на это существенное опроверженіе? Мы видимъ, что на всемъ древнемъ материкѣ христіанство почти нисколько не подвигается впередъ; самой Россіи едва-ли удастся въ годъ обратить въ православіе нѣсколько тысячъ — и то язычниковъ, а не магометанъ; европейскія миссіи въ Индіи и Китаѣ представляются грубымъ пуфомъ, какъ это показали возстанія магометанъ въ Индіи и недавнія Тяньцзиньская рѣзня въ Китаѣ. Между тѣмъ, магометанство двигается вѣрными шагами; оно распространяется, какъ во внутренности Африки, такъ и Китая. Могутъ ли представить ему отпоръ религіи послѣдняго? Пусть читатели сами судятъ объ этомъ изъ того очерка, который мы имъ предлагаемъ; но съ нашей стороны, мы считаемъ, однакожь, обязанностію обратить ихъ вниманіе на то, что магометанство двигается на востокъ по пятамъ буддизма, смѣняя его всюду, какъ въ Индіи, такъ и въ Афганистанѣ и Туркестанѣ. Магометанство, казалось, совсѣмъ не было знакомо Китайцамъ; такъ думалъ нашъ ученый міръ, и вдругъ оказывается, что магометанъ на востокѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ на западѣ.

Кромѣ того, изученіе востока, а слѣдовательно, и его религій, имѣетъ для насъ, Русскихъ, особенный интересъ; оно возбуждается не простымъ дилетанствомъ въ наукѣ, но и существенно для насъ потребностію. Фраза: „привзаніе Россіи—просвѣщать востокъ“ не есть пустое выраженіе. Мы просвѣщаемъ его, расширяясь въ немъ, и нельзя еще опредѣлить границъ, гдѣ мы остановимся. Намъ толкаетъ въ Азію неизбѣжный ходъ историческихъ событій, даже противъ собственной воли.

При этомъ нашемъ положеніи на востокѣ, нужно ли и говорить

о необходимости съ нашей стороны его изученія? Положимъ, что мы призваны туда не для поддержки старыхъ порядковъ, а для введенія реформъ, которыя будутъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ мы сами болѣе усвоимъ европейскую цивилизацію; но для того, чтобы сѣять реформы, все же надобно знать почву, на которой мы хотимъ собирать жатву, и такая важная задача уже необходимо требуетъ изученія. До сихъ поръ мы являлись на востокъ какъ-бы на обумъ, безъ всякаго приготовленія: не отсюда ли и ропотъ на дорогую стоимость для насъ же этого нашего появленія?

Но если бы даже всякое наше расширеніе остановилось, если бы мы отказались даже и отъ самыхъ торговыхъ сношеній съ востокомъ—то недостаточно ли однѣхъ тѣхъ земель, которыми мы уже обладаемъ, тѣхъ народовъ, которые находятся уже въ дѣйствительномъ нашемъ подданствѣ, изъ котораго, надѣмся, они никогда и не выйдутъ, для того, чтобъ изученіе востока было для насъ необходимо? У насъ столько азіатскихъ племенъ—Грузинъ, Армянъ, Турокъ, Монголъ, народовъ Маньчжурскаго, Финскаго племени; у насъ столько чуждыхъ религій—іудейство, магометанство, буддизмъ, шаманство. Въ настоящее время, съ занятіемъ Кульджи, между нашими подданными являются конфуціане и даосисты. Ужели всѣ эти предметы не требуютъ изученія? Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ въ доказательство того, что если бы мы были болѣе знакомы съ религіею своихъ инородныхъ подданныхъ, то не разъ могли бы избѣгнуть многихъ затрудненій, въ которыя часто были поставляемы.

Долго еще послѣ того, какъ Русскіе, перейдя черезъ Байкалъ, покорили жившихъ тамъ Бурятъ, между Бурятами не было извѣстно ни одного поклонника ламаиства; всѣ они были шаманы. Уже только послѣ заключенія Кяхтинскаго трактата, въ 1727 году, Саввою Владиславовичемъ Рагузинскимъ, къ нимъ перешли изъ Монголіи 12 ламъ, и они начали дѣло обращенія инородцевъ подъ русскимъ владычествомъ. Ламы сначала дѣйствовали кроткими мѣрами: они учили калѣвъ, людей, считавшихся неспособными у кочеваго народа, и разумѣется, достаточно было небольшой грамотности, которая развиваетъ языкъ, дѣлаетъ краснобаемъ всякаго въ средѣ невѣжественной толпы, чтобы показать, что буддійская религія способна творить чудеса, сдѣлать изъ вникуда негодныхъ людей—людей достойныхъ. Утвердившись, ламы приняли другую политику; пріобрѣтя вліяніе между значительными лицами, они начали преслѣдовать шамановъ и ихъ приверженцевъ—грабили ихъ, убивали, даже жгли. И это—подъ русскимъ вла-

дычествомъ, противъ котораго всѣ, между тѣмъ, кричатъ, что оно насильно обращаетъ въ христіанскую вѣру, тогда какъ у насъ существуетъ коренной законъ, запрещающій переходъ изъ одной вѣры въ другую неправославную! А между тѣмъ, еще недавно въ Киргизскихъ степяхъ султаны сгоняли, съ помощію приставленныхъ къ нимъ русскихъ казаковъ, Киргизовъ въ построенныя ими мечети. Правительство тогда только поняло тягость ламайства, когда оно утвердилось прочно; извѣстно, что ламайство то же, что католическое духовенство—все безбрачное; что чѣмъ больше ламъ, тѣмъ, по буддійскимъ понятіямъ, болѣе процвѣтаетъ религія, то-есть, народъ изнуряется содержаніемъ тунеядцевъ, развивается безнравственность. Правительство тогда уже стало обдумывать мѣры, какъ бы ограничить распространеніе ламайства, когда за Байкаломъ выстроилось 30 монастырей, а знаютъ ли, что такое ламскіе монастыри? Въ Тибетѣ, да и въ Монголіи—это цѣлыя города; иной монастырь содержитъ до 8.000 ламъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свой дворъ, свою прислугу, богатый—даже свой особенный храмъ; разумѣется, при такомъ количествѣ, нельзя обойтись безъ того, чтобы къ монастырю, особенно въ степяхъ, не применили и свѣтскіе, одни изъ набожности, другіе въ видѣ купцовъ, мастеровыхъ, и т. п. Знаменитый, въ Монголіи, городъ Урга, съ тысячами китайскихъ лавокъ, есть собственно ничто иное, какъ ставка одного ламы—знаменитаго Чжебцзундамба Хутукты. У насъ, конечно, ламскіе монастыри не дошли еще до такихъ огромныхъ размѣровъ; но говорятъ, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ собиралось уже по десяти тысячъ ламъ. Дѣло въ томъ, что начавшее ужасать наше правительство, извѣстное ему количество ламъ собственно было еще очень мало въ сравненіи съ дѣйствительностію: кочевымъ легко укрываться отъ счета. А между тѣмъ, послѣ того какъ правительство стало принимать мѣры къ ограниченію ламства, число монастырей увеличилось; изъ 30 вышло чуть не полтораста, при монастыряхъ появились духовныя школы, величавыя факультетами; изъ Монголіи стали заходить живые боги, а теперь, говорятъ, наши ламскіе монастыри уже завели своихъ. Какъ дорого обходится духовенство нашимъ Бурятамъ, можно судить по слѣдующему происшествію: въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, одинъ монгольскій простой лама перешелъ — что строго запрещалось тогда на бумагѣ — черезъ границу и назвалъ себя Хубилганомъ, то-есть, живымъ богомъ. Не можетъ быть, чтобъ этого самозванства не знали старшіе ламы и земскіе исправники: тѣмъ и другимъ, конечно, пере-

пала большая часть добычи, а эта добыча, увозимая через нѣсколько мѣсяцевъ самозваннымъ ламой, состояла въ 50 верблюдахъ, павьюченыхъ серебромъ, кораллами, дорогими мѣхами, сукнами, шелковыми матеріями. Замѣчательно, что не смотря на то, что этого ламу перехватило китайское правительство, обобрало и сослало въ ссылку, монгольскіе ламы въ Целингъ стали осаждать автора этой статьи просьбами, какъ бы и имъ пробраться въ нашу благословенную Россію, гдѣ такіе щедрые податели.

А отчего произошло такое быстрое распространеніе ламства между Бурятами? Одною изъ главнѣйшихъ причинъ была та, что наши администраторы, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ этой вѣрѣ, не потрудившись изучить предшествовавшаго положенія края, дали буддизму такую силу, какою онъ не пользуется и въ своей родинѣ. Предположили, что Буряты были ламаисты искони, что ихъ вѣра тѣсно связана съ ихъ бытомъ, и наконецъ, что ей надобно дать такое же устройство, какъ и господствующей вѣрѣ. Вслѣдствіе этого, власть надъ всѣми ламами сосредоточили въ рукахъ одного лица — Ханбо-ламы. Ничего нѣтъ опаснѣе такого сосредоточенія, дающаго громадное вліяніе во всякомъ инородческомъ классѣ; инородецъ застрашивается русскими же законами, считаетъ себя обязаннымъ повиноваться поставленнымъ надъ нимъ властямъ; это замѣчаніе относится не къ однимъ ламамъ, но и къ мулламъ, муфтіямъ, падишамъ и кахаламъ, и даже, къ католическимъ ксендзамъ и протестантскимъ пасторамъ. Нигдѣ, въ самомъ Китаѣ, въ законахъ нѣтъ ни одного пункта, преслѣдующаго религіозное отступничество: ни лама, ни мулла не имѣютъ права преслѣдовать бывшихъ своихъ прозелитовъ. У насъ же въ Россіи и Бурятъ, и Киргизъ считаютъ себя закабаленными по закону въ ламайскую или мусульманскую вѣру.

Въ недавнее еще время составили въ Иркутскѣ правило для бурятскаго ламаизма, строго опредѣлили штатное число ламъ, назначили Ханбо. Пришло кому-то въ голову, что какъ лицо, утверждаемое Высочайшею властью, лицо, слѣдовательно, болѣе чѣмъ служебное и чиновное, его надобно привести къ присягѣ. Но это сумѣетъ составить форму присяги? Поручили это дѣло самому же Ханбо, который долженъ былъ руководствоваться новымъ положеніемъ. И составилъ же онъ присягу, копію, съ которой прислать, когда ужъ присягнулъ: клялся всѣми богами употребить всѣ силы, жертвовать своею жизнью — для распространенія и поддержанія вѣры Шавіамуниевой!

Подобную же продѣлку слѣлать, около того же времени, калмыцкій лама — тоже своего рода безсудный первосвященникъ. И здѣсь составлено было особое положеніе, опредѣлено число ламъ; въ наличности, во время выхода положенія, ламъ было нѣсколько сотъ больше противъ положеннаго штатомъ, и потому предполагалось, что до тѣхъ поръ не будетъ новыхъ посвященій, пока лишніе не перемрутъ. Вдругъ лама доноситъ, что онъ исключилъ изъ числа ламъ слабыхъ, больныхъ, старыхъ, что вслѣдствіе этого штатное число ламъ оказалось ниже комплекта, и что онъ уже посвятилъ еще около двухсотъ человѣкъ для пополненія штатнаго числа; но разумѣется, такъ-названные исключенные остались тоже ламами, потому что, по буддійскому ученію, да мы думаемъ и ни по какому, не растригаютъ же — говоря нашимъ языкомъ — духовнаго за старость и болѣзнь.

Странное явленіе представляетъ эта горсть Калмыковъ, живущихъ въ Астраханской губерніи, окруженная со всѣхъ сторонъ Русскими и Татарами; она до сихъ поръ не теряетъ своей народности, благодаря своимъ семи слишкомъ милліонамъ десятинамъ земли и своей особенной религіи. Но вотъ обстоятельство, которое прежде было упущено изъ виду. Калмыки находились подъ управленіемъ своихъ князей, которымъ мы придали такую власть, какой они не пользуются и въ самой Монголіи. Но въ то же время, эти князья, если бы задумали креститься, то должны были отказаться отъ своего улуса; — мы знаемъ, что, даже и при этихъ условіяхъ, были случаи самопожертвованія изъ благоговѣнія къ христіанской вѣрѣ; всѣмъ извѣстно, что родъ, напримѣръ, князей Дондуковыхъ былъ владѣтельнымъ въ Калмыцкихъ степяхъ. Но какъ угодно, нужно слишкомъ сильное благоговѣніе въ обращающихся, чтобъ отказаться отъ своего царства. Крещенныхъ Калмыковъ тоже не оставляли въ степи, чтобъ ихъ не совратили язычники. Разумѣется, тѣмъ человѣкъ находится на болѣе низкой степени образованности, тѣмъ для него тяжелѣе разставаніе съ родиной; слабый человѣкъ всегда ищетъ поддержки въ массѣ; но если бы Калмыки-христіане оставались въ степяхъ, то для нихъ, конечно, потребовалось бы основать храмы. Князья, конечно, принявъ христіанство хотя для того, чтобы жениться на Русскихъ, имѣли бы дѣтей настоящихъ Русскихъ. Народъ, конечно, всего скорѣе послѣдуетъ примѣру своего князя; вѣдь надобно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ онъ передъ нимъ пресмыкается и теперь. Былъ примѣръ съ двумя князьями Тюменевыми, наслѣдовавшими Хошоутовскій улусъ: оба они воспитывались въ Казанской гимназіи,

и конечно, отрѣшились отъ всѣхъ языческихъ предразсудковъ; обомъ хотѣлось принять христіанство, сдѣлаться чисто Русскими. Но чѣмъ имъ жить, когда лишатся улуса? Бросили жребій — младшій сдѣлался христіаниномъ и получалъ содержаніе отъ своего брата.

А между тѣмъ, въ самой Монголіи, при Чингисханѣ и его преемникахъ, князья одни были христіане, другіе магометане, третьи буддисты; и никому въ голову не приходило сомнѣваться въ ихъ правахъ на улусъ; подданные и не думали бунтоваться. И въ настоящее время, стоитъ только католическимъ священникамъ догадаться, да проникнуть въ Монголію и основать тамъ миссіи, въ числѣ обращенныхъ непременно лягутъ князья, и китайское правительство не подумаетъ за это лишить ихъ наслѣдственныхъ правъ.

Названіе востока обыкновенно прилагается къ обширнымъ странамъ древняго міра; подъ этимъ именемъ разумѣютъ не одну только мѣстность, но и людей, ихъ сложившуюся администрацію, ихъ міросозерцаніе и проч.; однакожъ, есть большая разница въ странахъ, обитателяхъ, учрежденіяхъ, вѣрованіяхъ, исторіи всего того, что называютъ востокомъ. Для насъ, собственно говоря, не существуетъ востока, потому что земли его составляютъ для насъ земли юга, — и намъ тѣмъ болѣе не простиительно забывать, что Іерусалимъ лежитъ западнѣ нашей Москвы. Чтобы выразаться правильнѣе, мы предложили бы называть востокомъ собственно страны, лежащія за Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Индомъ. Старый міръ, или материкъ тогда раздѣлился бы на двѣ, равныя почти, половины, жившія до новѣйшаго времени своею особенною жизнью, рѣдко между собою сталкивавшіяся, но за то въ своихъ столкновеніяхъ проявившія истинно міровыя событія; тогда мы освободились бы отъ предразсудка называть восточной исторію древнихъ Египтянъ, Финикіянъ, Вавилонянъ и Евреевъ, имѣвшихъ такое громадное вліяніе на развитіе греко-римскаго образованія, которое нынѣ продолжаетъ Европа. Если эти страны нынѣ погружены въ невѣжество, то нужно ли и справедливо ли съ словомъ востокъ связывать только одно понятіе о невѣжествѣ? Эти страны составляютъ югъ нашего запада, югъ, въ которомъ ранѣе всего зародилась гражданская и умственная жизнь, и который по этому ранѣе отжилъ и требуетъ обновленія. Развѣ историческая жизнь этой половины не постоянно сталкивается въ своемъ районѣ: Финикіане проникаютъ въ Балтійское море, Греки доходятъ до Инда, владыче-

ство Римлянъ смѣняется арабскимъ, древніе Руссы проникаютъ въ Хоразанъ и Закавказье; изъ Сиріи и Аравіи распространяются по всему западному міру его религіи.

Восточный міръ, въ тѣхъ границахъ, которыя мы указали, тоже и постоянно вступаетъ между собою въ политическія и умственные столкновения; Китай во времена силы постоянно простираетъ свое владычество до Киргизскихъ степей и Байкала, распоряжается даже въ самой Индіи; номады средней Азіи, освободившись отъ этого владычества, проникаютъ въ Индію и Китай; Индія, подобно Сиріи, высылаетъ въ свой восточный районъ миссіонеровъ, и имъ тамъ всюду удастся. Если разсматривать природу обѣихъ половинъ, то здѣсь различіе выступаетъ еще рельефнѣе. Западный міръ прорѣзывается Средиземнымъ моремъ, подходящимъ черезъ Черное море къ Каспійскому. Оттого здѣсь жизнь разнообразнѣе и плодovitѣе, просвѣщеніе переходитъ съ мѣста на мѣсто, и это передвиженіе придаетъ ему новыя силы. На востокѣ, въ pendant Средиземному морю, тянется возвышенность Средней Азіи, все болѣе и болѣе становящаяся мертвенной; такъ, мы знаемъ, что прежде былъ прямой путь изъ Хотана въ Китай, а нынѣ тамъ все завалено песками; рѣчки и озера, которыя протекали въ Монголіи на глазахъ еще живыхъ путешественниковъ, теперь уже исчезли. Могъ ли замѣнить верблюдъ, хотя его и называютъ кораблемъ пустыни, дѣйствительные корабли? Вотъ почему жизнь востока принимаетъ другой характеръ; тамъ просвѣщеніе могло утвердиться только въ извѣстныхъ пунктахъ, и потому человѣческій духъ не проявляетъ тамъ такой энергіи, которую мы встрѣчаемъ на западѣ. Тамъ человѣкъ, можетъ-быть, рѣже достигъ матеріальнаго благосостоянія, выработалъ для первыхъ временъ болѣе сносные принципы гражданскаго устройства, прежде приступилъ къ углубленію въ себя, въ законы духа. Но работая все на одной и той же почвѣ, въ одной и той же расѣ, не имѣя ни откуда прилива новыхъ началъ и идей, жизнь и духъ человѣка не могли выразиться тамъ въ такой разнообразной, вѣчно юной формѣ, не останавливающейся въ своемъ развитіи. Еще надобно удивляться, какъ Индія и Китай, перебирающіе все одно и то же въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, 2.000 лѣтъ, не погибли въ монотонности. Въ настоящее время, мы видимъ этотъ самостоятельный нѣкогда востокъ въ полномъ упадкѣ его политическихъ, умственныхъ и нравственныхъ средствъ. Онъ погибъ бы невозвратно въ своей замкнутости, если бы надъ человѣчествомъ не восходила заря обновляющаго объединенія, въ которомъ просвѣще-

ніе, а съ нимъ и гражданская жизнь сдѣлаются общими. А то, что Китай, и при своей изолированности, сохранилъ въ себѣ до нашего времени еще на столько силъ, чтобы поддержать на извѣстной степени свое развитіе, ручается всего лучше за то, что когда сила науки разорветъ оковы, поставленныя природою, когда посредствомъ телеграфовъ, аэростатовъ и желѣзныхъ дорогъ не будетъ болѣе различія между востокомъ и западомъ, будетъ одно человѣчество,—этотъ востокъ самъ пріиметъ живое участіе въ развитіи просвѣщенія, сдѣлается не только его хранителемъ, но и двигателемъ. Если онъ и при прежней жизни подарилъ западу шелкъ, чай, компасъ, порохъ, ассигнаціи, книгопечатаніе, то можемъ ли мы отрицать, что человѣчество ничего не выиграетъ, въ будущности, отъ предстоящаго сліянія? Замѣтимъ, что все, пересаженное на другую почву, всегда растетъ лучше, чѣмъ въ дикомъ состояніи; книгопечатаніе и порохъ, перенесенные съ востока, могли развиваться только на западѣ. Однакожъ эта пересадка имѣетъ свое начало уже въ отдаленномъ прошедшемъ, и до сихъ поръ востокъ всегда имѣлъ превосходство надъ западомъ въ своихъ произведеніяхъ. Индія и Китай не находятся по дарамъ природы въ такой же зависимости отъ другихъ странъ, какъ другія отъ нихъ; и потому съ самаго древняго времени народы запада стремились за этими произведеніями. Въ замѣтъ того, превосходство силы духа западнаго міра сказывалось въ то же время—хотя бы и въ грубомъ видѣ—въ завосваніяхъ. Индіи поработчена пришельцами запада еще въ доисторическія времена; многіе полагаютъ, что то же было и съ Китаемъ. Но крайней мѣрѣ, умственныи и духовный перевѣсъ запада оказывается при внимательномъ изслѣдованіи въ такихъ фактахъ, которымъ прежде не придавали значенія. Походъ Александра Великаго не остался безслѣдно для вліянія не только на Индію, но и на Китай. Изъ Бактріаны Индѣйцы заимствовали письменность, о сношеніяхъ съ одною только Бактріаною и толкуютъ ихъ древнія легенды; у Грековъ они познакомились съ поэзіей, метафизикою, философіей, риторикою и грамматикою. Мы увидимъ, что и буддизмъ есть произведеніе толчка, даннаго западомъ. А развѣ ничтоженъ былъ шумъ, произведенный нѣкогда въ Китаѣ, открытіемъ запада, того запада, въ которомъ, въ I-мъ столѣтіи до Р. Х., еще не могли изгладиться слѣды греческаго вліянія? Не тогда ли зашли въ Китай легенды объ Гесперидскихъ садахъ, объ Утопіи, объ Олимпѣ; не съ запада ли проникла въ Китай драма, не на западѣ ли Китайцы по знакомились впервые съ алфавитомъ и стали, съ помощію

его, глубже всматриваться въ свой языкъ; наконецъ, не съ запада ли пришла эта хрія — тема (ти-му), написать которую считается верхомъ китайской учености?

Но сила западнаго духа сказывается еще сильнѣе въ религіи. Буддизмъ потому распространился на востокъ, что Индія лежитъ западнѣе; и въ него несомнѣнно вошло многое изъ ученій запада, явилось магометанство и стало вытѣснять буддизмъ; оно идетъ именно по древнимъ слѣдамъ его распространенія. Почему же мы не видимъ обратнаго дѣйствія, почему конфуціанство или буддизмъ не могли, съ своей стороны, распространиться на западъ? Вѣдь въ первыя два столѣтія до и послѣ Р. Х., политическое вліяніе Китая на западъ было громадное — оно простиралось до Средиземнаго моря; то же вліяніе возобновилось передъ владычествомъ магометанства, при Танской династіи (620—908 гг.), и наконецъ, при Чингизидахъ. Но слыхано ли было, чтобы кто-нибудь изъ жителей запада обращался въ поклонника Конфуція или Будды, Лао-цзы!

Именно характерическое отличіе востока отъ запада, на которое мы указали, ни въ чемъ не высказывается столь рельефно, какъ въ его религіяхъ. Въ нихъ-то и нѣтъ живости и силы того бодраго духа, который на западѣ борется за принципы и не платитъ даже крови и жизни. Если хотите, фанатизмъ, конечно, есть недостатокъ запада; но онъ же поддерживаетъ и духъ на извѣстной степени напряженія, и этому-то напряженію западъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ. Не изучая востока, мы строго осудили бы всѣ ошибки, всѣ увлеченія; теперь видимъ ихъ пользу, убѣждаемся, что первѣйство можетъ гнѣздиться и тамъ, гдѣ въ защиту его не вынимаютъ меча. Къ бы то ни было, вооруженный фанатизмъ до сихъ поръ былъ не извѣстенъ религіямъ востока; до послѣдняго времени самое магометанство, прибѣгавшее не разъ въ силѣ оружія въ Индіи, долгое время сдерживалось въ Китаѣ; мечети стояли скромно, не выставляя своихъ минаретовъ, поклонники пророка отпускали преспокойно косу и начинали свою грамотность съ конфуціанскихъ книгъ. Нынѣ не то; магометанство вырѣзало въ Китаѣ миллионы невѣрныхъ своихъ соотечественниковъ: въ одномъ Нинъ-ся погибло за-разъ триста тысячъ, какъ сообщаетъ сама officialная Пекинская газета. Въ китайской исторіи мы до сихъ поръ не знали ни одной религіозной войны, хотя то та, то другая религія часто пользовалась исключительнымъ покровительствомъ или подвергалась преслѣдованію. Въ самой Индіи, до магометанства, превосходство религіи рѣшалось не

мечемъ, а богословскими спорами. Очевидно, что для востока настаетъ новая эра и новая вѣра.

Касательно религіознаго индефферентизма, существовавшаго до сихъ поръ въ Китаѣ, приведемъ въ примѣръ, какъ встрѣчаетъ новый годъ китайскій императоръ. Сначала онъ отправляется въ свой шаманскій храмъ; потомъ приносить по конфуціанскому обряду жертву въ храмъ предковъ; затѣмъ отправляется на поклоненіе сандальному кумиру Будды, который считается современнымъ самому Шакіямунни, и послѣ того, заѣзжаетъ въ даосійскій храмъ вѣтра. Итакъ, одно и то же лицо за-разъ оказываетъ почтеніе четыремъ религіямъ; и можно быть увѣреннымъ, что если христіанство и магометанство устроятся въ Китаѣ мирно—что, впрочемъ, очень сомнительно,—то очень не мудро, что богдыханы будутъ посѣщать и ихъ храмы; вѣдь давали же они деньги на постройку мечетей и христіанскихъ церквей. Въ Китаѣ, къ какой-бы кто религіи ни принадлежалъ, всѣ, какъ мы уже сказали, начинаютъ ученіе съ классическихъ конфуціанскихъ книгъ, и между тѣмъ, рѣдко встрѣтишь ученаго, слѣдовательно, конфуціанца, который все-таки, кромѣ того, не выказывалъ бы предпочтенія даосизму или буддизму. На югѣ, на примѣръ, принято даже, что въ одномъ и томъ же семействѣ, когда умираетъ мужчина, то приглашаютъ для отпѣванія его даосовъ, а когда умретъ женщина, то — хошановъ, то-есть, буддистовъ. Въ лучшихъ китайскихъ романахъ даосъ и хошанъ являются рука объ руку; буддійскія и даосскія божества сражаются вмѣстѣ противъ дерзкихъ Прометеевъ. Когда въ Пекинѣ мы показывали свой христіанскій храмъ не только простымъ ламамъ, но даже хубилганамъ, то они простирались ницъ передъ нашимъ иконостасомъ. Въ одинъ годъ, въ лѣтнюю пору, мы жили въ горахъ, въ одной кумирнѣ, построенной у горы, изъ которой вытекалъ обильный ключъ. Воды находятся въ распоряженіи драконовъ, вѣрованіе въ которыхъ принадлежитъ Китаю независимо ни отъ кого; но въ послѣдствіи и буддизмъ, и даосизмъ усвоили его себѣ. Драконъ повелѣваетъ дождемъ, отъ него же зависитъ и удержать напоръ рѣкъ во время ихъ разлива, чтобъ онѣ не прорвали плотинъ и не затопили окрестностей. Почти каждый годъ осенью просятъ у богдыхана наградить того или другого дракона курительными свѣчами за то, что разливъ воды прошелъ благополучно. За то лѣтомъ, когда случится засуха, между тѣмъ какъ чиновники и самъ богдыханъ молятся о дождѣ въ храмахъ неба, одновременно буддійскіе и даосскіе жрецы поочередно совершаютъ богослу-